

—
STUDIA
URBANICA

Сообщество как городская практика

Содержание

Благодарности	6
1. Введение	9
2. Традиции теоретического осмысления сообщества	26
Страх по поводу смерти сообщества	26
Сообщество как персональная сеть	44
3. Сообщество как культура	59
4. Вовлеченности, столкновения, социальные связи	86
Прочные вовлеченности	87
Мимолетные столкновения	91
Четыре типа социальных связей	93
5. Реляционные контексты принадлежности	113
Континуум приватности	122
Континуум доступа	146
Публичная осведомленность	161
6. Практики исключения	174
7. Заключение	202
Список литературы	214

Благодарности

Как обычно, эту книгу не удалось бы написать без помощи других людей. Когда этот проект уже шел полным ходом, в моем отделе в качестве студента-ассистента начала работать Лина Эверт. Если существуют дары свыше, то она оказалась для меня именно таким даром. С того самого момента, как она стала работать вместе со мной, она обеспечила максимальный комфорт — начиная с того, что приносила мне кофе и ликвидировала хаос в моем офисе (хотя ни то, ни другое не входило в ее служебные обязанности), и вплоть до выполнения утомительного труда по поиску ссылок и блестящей подготовительной работы с некоторыми источниками. На более поздней стадии к моему проекту подключились Селия Буали, Селен Эрисок и Тиджен Аткайя. Я выражаю признательность столь прекрасным ассистентам и благодарна им всем. Тем временем Сюзанна Рааб, Роберт Виф и Катарина Крузе помогали мне в других проектах, так чтобы не все мои дела оставались без внимания, пока я исчезала, чтобы заниматься написанием этой книги.

Первым ее критическим читателем выступил Хенрик Шульце — исследователь, работающий с направлениями, близкими к теме сообщества. Кроме того, я благодарна ему и как своему персональному ассистенту: без него моя жизнь в академических стенах была бы полным хаосом. Моя маленькая группа по социологии города в Университете Гумбольдта, включающая Хенрика Лебуна и Андрея Хольма, представляет собой практику сообщества в почти ежедневном режиме. Замечательно, когда у тебя есть место, вдохновляющее к работе. Спасибо вам, парни.

Первоначально я обратилась в издательство Polity с другим проектом — готовящейся к выходу книгой «Андеграунд большого города». Затем, когда издательство попросило меня взамен написать небольшую книгу о сообществе, я увидела в этом

великолепную возможность переформулировать и заново упорядочить некоторые темы, над которыми я работала последние несколько лет, доведя до завершения тезисы книги «Городские связи»¹, которая также была издана Polity в 2003 году. Когда я опаздывала и нуждалась в дополнительном времени, Джона-тан Скерретт, мой редактор в Polity, демонстрировал терпение и веру в то, что у меня все получится, — и то и другое мне очень требовалось. Снова работать с Polity было для меня огромным удовольствием.

Многие идеи этой книги формировались медленно. Студенты семинара по сообществу и социальному капиталу способствовали моему переосмыслению некоторых вещей, о которых пойдет речь ниже. Беседы со студентами в рамках другого семинара, посвященного «изобретательным городам», в особенности с Ханной Шиллинг, Карлоттой Джустоцци и Даниэлой Кругер, подтолкнули меня к уточнению собственных идей о значимости публичной осведомленности (*public familiarity*) и мимолетных столкновений (*fluid encounters*), противоположных социальным связям, и помогли осознать, что утверждение о сообществе как «воображаемом» или «символическом» не так уж удачно. Я счастлива работать в месте, которое дает мне так много академической свободы в преподавании и собирает на моих занятиях столь ярких и вдохновляющих студентов. Хотя я не делала прямых презентаций тезисов, выдвинутых в этой книге, в каких-либо докладах или дебатах, я обязана множеству бесед со своими товарищами по академическому сообществу в разных частях света, которые помогли мне тщательно обдумать написанное здесь. Тим Батлер, Сьюзи Холл, Алан Хардинг, Кристине Хентшель, Эмма Джексон, Патрик Ле Гале, Джулия Наст, Сальвадор Сандоваль, Майк Сэвидж, Абдумалик Симон и Пол Уотт — все они повлияли на мое осмысление темы книги вне зависимости от того, осознают они это или нет.

Ким, Сэм и Джона страдали вместе со мной, когда мне приходилось бороться с текстом, а когда книга писалась легко,

¹ Blokland T. V. (2003) *Urban Bonds*. Cambridge: Polity. — *Примеч. пер.*

я могла бы уделять им больше внимания. Ким уже понимает, что написание книг важно для меня: «Иди пиши, мама, потому что это делает тебя счастливой». Я горжусь ее поддержкой, пониманием и просто тем, что она есть на свете. Неожиданно и внезапно гораздо больше, чем просто поддержку, мне оказал один прекрасный человек, который отдавал мне для работы свой кухонный стол—но не хотел бы, чтобы его имя было упомянуто. Спасибо тебе, Мечтатель.

Берлин, 29 февраля 2016 года

1. Введение

Одни люди могут пускать корни в том или ином месте, другие же могут пускаться в путь, но все они непременно осуществляют сообщество на практике (do community). В Кёпенике, районе на юго-востоке Берлина, некоторые люди в возрасте 30–50 лет, главным образом мужчины, встречаются у «Дома старого лесника» — так называется стадион их футбольной команды «Унион» из Второй Бундеслиги, — и их привычное поведение на публике и явное знакомство друг с другом подразумевают, что они давно всё знают об этом месте и его общей истории. Они практически реализуют сообщество в качестве «публичного действия» внутри стадиона и за его пределами, когда приветствуют старых знакомых, болтают, задают вопросы о друзьях друзей и старых школьных товарищах, пьют пиво. Проходя на стадион с годовыми абонементом, они минуют компании подчеркнута стильных «новых» берлинцев — мужчин и женщин. Эти «новые» берлинцы тоже пришли на матч, раз уж команда второй лиги тут, похоже, является чем-то вроде культа. Люди первого типа явно привязаны к этому месту, а их представления о нем и то, как они разыгрывают местную идентичность, конструируют некое сообщество. Им противостоят «новые» берлинцы, которые приняли этот город как свой в данный момент времени, поскольку они пребывают здесь мимоходом (en route). Эти болельщики сравнивают ощущения от «атмосферы» стадиона в Восточном Берлине со своими воспоминаниями о других футбольных лигах — в других городах и других странах, — матчи которых тоже пользуются большой популярностью у местных. У этих людей есть свои пути; их представления о месте и способы исполнения приобретенных ими на какое-то время локальных идентичностей также составляют сообщество, но совершенно иного типа — по крайней мере на взгляд социолога.

Понятие сообщества, отмечает Питер Хэмилтон, «предоставляет как средство охвата широкого разнообразия социальных процессов, так и идею, обладающую чем-то гораздо большим, нежели просто *техническим* значением, поскольку она указывает на символы, ценности и идеологии, которые обращаются среди людей» (Hamilton 1985: 8). Сообщество проявляет себя в деталях повседневной жизни. Социум трансформируется, но люди «продолжают наделять высокой ценностью то, что они называют сообществами» (Charles and Davies 2005: 672). Как утверждал Бенедикт Андерсон в своей влиятельной книге «Воображаемые сообщества», «все сообщества... являются воображаемыми. Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» (Anderson 1991: 6 / Андерсон 2016: 48). Но каким образом подобные воображения возникают в качестве социальных конфигураций? Мы можем спрашивать у людей, где именно они ощущают принадлежность к своему сообществу или что именно они воспринимают как свое сообщество, но даже в этом случае мы мало что поймем о процессах и механизмах, которые формируют подобные сообщества и связанный с ними опыт. Известно, что определенное значение для подобных восприятий имеет (или не имеет) «место», но неизвестно, каким образом это происходит. Каким образом сообщество, будучи воображаемым, возникает в социальной практике или в качестве ее формы?

Задачей ряда недавних исследований, посвященных принадлежности (*belonging*), было теоретическое осмысление «места» для нового человеческого ощущения общности в эпоху возросшей мобильности. Но одно дело говорить о том, где человек ощущает себя на своем месте, и совсем другое — переживать этот опыт посредством практики. Именно поэтому Михаэла Бенсон и Эмма Джексон (Benson and Jackson 2013: 794) подчеркивали необходимость включения перформативности в рассмотрение принадлежности: «Люди не просто выбирают место для жизни, соответствующее их габитусу, — это места формируются посредством повторяющихся каждодневных взаимодействий и воздействий,

которые влияют и на район проживания, и на конкретного индивида». Ощущение принадлежности — это не просто некое чувство, это результат практик, в особенности перформативных, или социальных практик «перед другими» (Helbrecht and Dirksmeier 2013: 286). Необходимые подмости для этого обеспечивают городские пространства (ibid.: 283), и в этой небольшой книге будет рассмотрена концепция сообщества как городской практики.

Поскольку все больше людей не живут там, где они родились, а различные человеческие пути, такие как жизнь в диаспоре, могут становиться источником взаимосвязи и единения, конструирование того, что означает «сообщество», оказывается все более разноплановым, динамичным и спорным. Даже те, кто давно живут в берлинском районе Кёпеник, ощущают, что «сообщество» изменилось. То, что мы можем наблюдать на стадионе «Дом старого лесника», резонирует с происходящим в других местах.

Италоамериканцы в Нью-Хейвене (штат Коннектикут) столкнулись с тем, что их «сообщество» изменилось. Исходно это было сообщество итальянских иммигрантов, работавших на фабриках Нью-Хейвена, но после того, как италоамериканцы переселились в пригороды, их район пережил деградацию. Строительство скоростного шоссе, прошедшего сквозь его территорию, вытесняло оттуда людей — так разрушались привязанности к месту, формирующиеся посредством повседневных практик. Миграция афроамериканцев из южных штатов в крупные города на севере США вела к дальнейшей демографической трансформации этих мест. Сегодня италоамериканцы снова прославляют свое утраченное сообщество и наследие во время церковных праздников и местных фестивалей, дистанцируясь от соседей из белого среднего класса, которые в дальнейшем перебрались в их район и подвергли его джентрификации (Blokland 2009a). «Коренные» пожилые голландки из Хиллслейса — района Роттердама, где большинство мужчин работали на давно закрытых судоверфях, — теперь вместе с людьми более полусотни национальностей делают покупки на местной торговой улице, на которой все мясные лавки давно стали халяльными. Когда эти женщины жалуются, что больше

не могут купить свиные отбивные, они выражают ощущение, что их «сообщество» изменилось (см. Blokland 2001). Кто-то даже может намекнуть, что вот он — кризис. Существует много претензий к восточногерманскому режиму, но в коллективных воспоминаниях присутствует представление о том, что сообщество тогда было более сплоченным и более участливым, так что люди держались вместе, несмотря на всевозможный контроль со стороны Штази и то, как это влияло на доверие между ними, — теперь же этот тип сообщества утрачен. Если у тех же италоамериканцев хватало денег на то, чтобы поселиться в огороженном белым забором односемейном доме с лужайкой, они отдавали предпочтение такому жилью, но при этом по-прежнему верили, что солидарность их старого квартального сообщества никуда не делась. В Хиллеслейсе перед Второй мировой войной царила нищета, происходили религиозные и политические стычки, но и там вы часто услышите, что «раньше мы были одним целым».

Является ли все это ностальгическими сетованиями по утраченному сообществу? Ностальгия и сообщество идут рука об руку, поскольку ностальгия придает смысл актуальным переживаниям самости и идентичности. Как утверждают Шон Филд и Фелисити Суонсон (Field and Swanson 2007: 11),

расхожие культурные мифы... наиболее значимым образом... наделяют людей аппаратом терминов и верованиями для того, чтобы понимать множество вызовов большого города и справляться с ними. Наше чувство самости и наши идентичности находятся в процессе становления посредством целостности и прерывистости, тождественности и различия, сплоченности и вытеснения, приватного и публичного существования (Field and Swanson 2007: 11; см. также Lasch 1991: 120).

Расхожие образы, включая ностальгические репрезентации прошлого, формируют идентичности и наделяют людей способностью к действию. Как отмечала Сельма Лейдесдорфф (Leydesdorff 1994) в своем исследовании воспоминаний еврейского сообщества Амстердама до Второй мировой войны, роль конструкций прошлого,

скорее, помогать разыгрывать ситуации здесь и сейчас, нежели отражать, как все было когда-то. Аналогичным образом Джеймс Фентресс и Крис Уикхем отмечают, что «способ порождения и понимания воспоминаний о прошлом у тех или иных социальных групп напрямую указывает на то, как они понимают свое положение в настоящем» (Fentress and Wickham 1992: 126). Само существование подобных общих сюжетов демонстрирует, что сообщество остается «публичным действием» (public doing), согласно определению Ричарда Дженкинса (Jenkins 1996), приведенному, что характерно, в его небольшой книге об идентичности, — хотя при этом оно «конституируется лишь символически», в качестве некоего сообщества, которое больше не существует (Charles and Crow 2012: 400; см. также Morgan 2005: 563–564). Посредством ностальгии фрагментированные сообщества могут представляться целостными и едиными: ностальгия «становится способом создания связей» (Savage et al. 2010: 117) и формирует сюжеты о принадлежности, в основе которых лежит конкретное место. Так что, на мой взгляд, изложенные выше истории восточных берлинцев, италоамериканцев или роттердамцев — это *не просто* ностальгические сетования по утраченному сообществу.

В приведенных примерах сюжеты из прошлого выступают в качестве публичных перформансов, демонстрирующих, что сообщество могло измениться, но отнюдь не утрачено; что утрачено или, точнее, трансформировано, — это однозначное совпадение «сообщества» с «местом». Сообщества, которые накладываются друг на друга в больших городах (и при этом могут даже не обладать территориальным закреплением), способны состоять из профессиональных групп или формироваться по признаку религии или принадлежности к той или иной площадке в интернете, а не по географическому критерию (Charles and Crow 2012: 400). Как демонстрируют Пит Конингс, Рейк ван Дейк и Дик Фукен (Konings, van Dijk and Foeken 2006: 4) применительно к крупным городам Африки, связи с внешним миром, даже поверх национальных границ, приобрели значимость. Следовательно, в качестве референтов для воображения сообществ могут выступать определенные местности,

однако люди все чаще не привязываются к тем местам, где они родились и выросли, и формируют взаимосвязи на больших расстояниях. Но в тривиальном употреблении термина «сообщество» эта трансформация связи между сообществом и местом оставляет впечатление, будто сообщество как таковое было утрачено.

Тем не менее потребность в сообществе, похоже, повсеместна. Градостроителям нужно работать с «сообществом», вмешательства полиции требуют поддержки со стороны «сообщества», активисты организуют протесты от имени «сообщества». В таких городах, как Мумбаи и Сан-Паулу, движения за решение жилищного вопроса и движения за гражданские права организуют протесты с помощью «сообщества». Интерес к сообществу возрождает политика идентичности, предполагающая, помимо прочего, что жалобы «должны быть услышаны и признаны, а не затеряны среди однородного либерально-демократического общества» (Macdonald, Edwards and Savage 2005: 596). Зачастую на проблемы, связанные с «сообществом», «возлагается ответственность за особенно беспокоящие людей аспекты общественной жизни, включая одиночество, преступность, страх и неустроенность» (Day 2006: x). Способы использования понятия «сообщество» в политическом контексте могут приводить разные группы к «общему знаменателю» сообщества на практике. Когда несколько лет назад мужчина с турецкими мигрантскими корнями заколол школьного учителя в одном из голландских городов, политики потребовали от лидеров «турецкого сообщества» сделать по этому поводу заявление. Аналогичный пример приводит Пнина Уэрбнер (Werbner 2005: 747): бунты молодых мусульман из Южной Азии в Олдеме и Бадфорде, подвергшихся деиндустриализации городах на севере Англии, породили призывы к «азиатскому сообществу» лучше «интегрироваться». Как отмечает Уэрбнер,

значимым моментом является то, что сообщества Бадфорда или Олдема, в которых, как утверждалось, отсутствовали лидерство и единство, не воспринимались как исключительно азиатские или белые — в этих сообществах были и те, и другие, что стирало различие между ними.

Таким образом, нечто расовое, патологическое, а фактически и криминальное приписывалось *внутренней* социальной целостности и культурной индивидуальности этнического сообщества, а затем и сообщества белого рабочего класса, <...> тесно с ним связанного (Werbner 2005: 748).

В инициативах для сообществ, в действиях во имя сообществ или в призывах к сообществам это понятие возникает вновь и вновь. Как в позитивном, так и в негативном контексте оно указывает на некую сущность (entity), которая обладает целостностью, связанностью или сплоченностью, а также имеет четкие границы. Чаще всего эти границы считаются социальными в том смысле, что сообщество кончается там, где кончаются сетевые взаимосвязи, и географическими, то есть ограниченными определенной территорией. Таким образом, сообщество является широко используемым термином. Его удобство заключается в том, что он неточен и нагружен положительными коннотациями: сообщество есть социальное «нечто», против чего невозможно занимать позицию (Williams 1976: 65–66; Etzioni 1995; Tam 1998 — цит. в: Day 2006: 14).

Эти неточности, моральные коннотации и хождение понятия «сообщество» в политической сфере могут выступать и причинами того, почему сегодняшние исследователи-урбанисты, как и другие представители социальных наук, не испытывают особого желания его использовать. Если по поводу других принципиально спорных понятий, в особенности тех, что явно расположены в левой части политического спектра, у них возникает мало возражений, то «сообщество», похоже, вызывает у них отвращение. Это слово, мол, вышло из моды — более того, оно не просто старомодно, а может быть, и консервативно. Напротив, новая терминология урбанистики связана с сопричастностью, домом, привязанностью к месту и идентичностью. Полагаю, что порой для такого изменения терминологии есть четкие концептуальные основания, но в иных случаях это изменение демонстрирует опасение братья за понятия или темы, которые имеют значение для жителей районов Кёпеник в Берлине, Вустер-Сквер в Нью-Хейвене

или Хиллслейс в Роттердаме, — однако их непросто поместить в рамки мейнстримных урбанистических исследований. Проблема, связанная с понятием сообщества, заключается в том, что оно всегда имеет политический характер — оно всегда в значительной степени связано с властью, — но ни в критических урбанистических исследованиях, ни в таких же работах более конформистского, а то и консервативного толка оно по определению не имеет политической прописки. Лишь потому, что в социальных дисциплинах изначальный подход к идее сообщества связывал ее с «органическими» и естественными характеристиками, это понятие, похоже, «неизбежно... принадлежит в большей степени социальному порядку прошлого» и отождествляется с «ситуациями стабильности и устойчивости», так что вся дискуссия уклоняется в консервативную сторону (Day 2006: 6), а «изменение стало конструироваться в качестве его недруга» (ibid.: 8).

Термин «сообщество» слишком часто использовался для описания отнюдь не безобидных политических практик, для выявления аутсайдеров и козлов отпущения, для моральных призывов в поддержку действий, которые наносили вред другим группам и индивидам, или к участию в этих действиях; кроме того, это понятие функционировало в качестве одного из механизмов власти и ее реализации в процессе формирования наций (Anderson 1991 / Андерсон 2016). В политическом смысле оно может подразумевать целостность и гомогенность в ущерб открытости изменениям и разнообразию. Академическая история этого термина слишком легко предполагает целостность и гомогенность в том смысле, которые не вполне соответствуют современному миру мобильностей и разнообразия. Когда «встречи с чужаками и культурные отличия оказываются неотъемлемыми составляющими повседневной жизни в большом городе» (Dirksmeier, Helbrecht and Mackrodt 2014: 300) — а именно так многие исследователи представляют себе мир (Amin and Graham 1997; Valentine 2007; Vertovec 2007), — вероятно, более целесообразными стали другие понятия, такие как «принадлежность» (belonging) или «идентичность места». Наконец, о сообществе было написано так много,

что можно задаться вопросом, осталось ли хоть что-то к этому добавить. Джордж Хиллери уже в 1950-х годах перечислял 94 определения сообщества (Hillery 1958). Маргарет Стейси более 35 лет назад сомневалась, является ли вообще сообщество полезным абстрактным понятием (Stacey 1969)¹, — по ее мнению, создание «чувства принадлежности» посредством помещения его в центр сообщества делает последнее побочным концептом (ibid.: 134). В самом деле, определения сообщества зачастую подразумевают чувство принадлежности, поскольку они включают коллективные (communal) интересы и идентичности, нередко связанные с конкретными локациями (Watt 2013: 226). При наличии всех этих проблем, окружающих понятие сообщества, можно усомниться в его полезности для урбанистических исследований. Если ему невозможно дать определение за рамками нормативности, если его невозможно с легкостью измерить, если нельзя договориться о его значении, возможно, будет больше толка в том, чтобы вообще от него избавиться. В таком случае действительно ли нужна еще одна книга о сообществе? Да, нужна, и вот почему.

Прежде всего, сообщество продолжает проявлять себя в деталях повседневной социальной жизни. Многие социальные трансформации, часто обобщаемые емкими понятиями наподобие постиндустриализации, глобализации или поздней модернизации, повлияли на способы наших отношений с другими людьми в пространстве и времени в условиях временно-пространственного сжатия (Harvey 1989 / Харви 2021). Зигмунт Бауман (Bauman 1990: 38–42 / Бауман 1996: 44–48) вопреки Херберту Гансу (Gans 1962: 104) указывает, что физическая близость (например, проживание в одном районе) и духовная близость — это не одно и то же: «Духовная или нравственная близость заключается в нашей способности (и готовности) испытывать *чувство товарищества*: воспринимать других людей как субъектов наравне с собой, с их собственными целями и правом добиваться этих целей, с их

¹ Хотя книга Т. Блокланд вышла в 2017 году, вероятно, этот фрагмент был написан ранее, в середине нулевых. — *Примеч. ред.*

эмоциями, подобными нашим, и такой же способностью испытывать наслаждение и страдать от боли» (Бауман 1990: 40 / Бауман 1996: 46). Однако люди, причем не только те, кто испытывает чувство утраты, «продолжают наделять высокой ценностью то, что они называют сообществами» (Charles and Davies 2005: 672). Для резко и быстро меняющихся больших городов особенно характерно то, что нам, похоже, остается только гадать, кто по-прежнему входит в тот или иной круг общих интересов и как проводятся границы, отделяющие тех, кто в него не включен.

Во-вторых, понятие «сообщество» обладает высокой ликвидностью в социальной политике и политической деятельности, особенно когда оно становится тайным оружием против любых разновидностей «зла» — от неудобств, бедности и безработицы в том или ином районе до проблем с поведением детей и преступности в городах. Обращение к решениям, основанным на сообществах, — отход от общенациональных проблем — можно рассматривать как инструмент консервативной политики (Fisher and Romanofsky 1981: xii). При таком подходе сообщество становится равнозначным чему-то вроде социальной целостности в семьях, отдельных районах и городах, которая должна обеспечивать социальный капитал и коллективную эффективность (collective efficacy) для ликвидации проблем (о социальном капитале см. Blokland and Savage 2008; о городских изменениях и социальном капитале см. Blokland and Rae 2008). Не все районы должны напоминать деревни, но в практической политике и в политических программах, равно как и в определенных группах академического сообщества, похоже, существует общее мнение, что для сохранения пригодных для жизни районов требуется то или иное публичное присутствие социального капитала (Lofland 1989: 90). Урбанисты не могут просто так повернуться спиной к этому понятию и с пренебрежением относиться к нему как к одному из аспектов неолиберального проекта (van Houdt and Schinkel 2014). Скажем, могут вполне соответствовать действительности утверждения, что рекомендации создавать устойчивые сообщества представляют собой некую неолиберальную риторику, а призыв

к более сильным сообществам есть разновидность неолиберального перекалывания ответственности с государства на людей (responsibilization) (ibid.), однако политический курс не изменится от того, что научное сообщество все это зафиксировало. Если политики и лица, принимающие ключевые решения, намерены коммуницировать с «сообществами, то им нужен кто-то, к кому они будут обращаться» (Taub et al. 1977: 433), даже несмотря на то, что проживание в конкретном месте все в меньшей степени будет основой сообщества в повседневных действиях людей. Городские проблемы в повседневной жизни слишком гнетут, а стало быть, мы не можем ждать, пока весь остальной мир — я имею в виду мир за пределами круга радикальных урбанистов — узнает о ловушках неолиберализма. Для наступления системных перемен может потребоваться определенный срок. Следовательно, в данный момент мы можем заодно — именно заодно, а не вместо — захотеть потратить какое-то время на скрупулезный анализ взаимосвязи между сообществом и местом, неотъемлемой для такого рода политики, а следовательно, мы сможем продуктивно критиковать пространственный детерминизм подобных подходов (о пространственном детерминизме см. Gans 1991).

В-третьих, глобализация стремительно меняет городскую жизнь. Под знаменем «сравнительного урбанизма» исследователи притязают на попытку уйти от своей ориентации на Глобальный Север в направлении более универсального подхода к рассмотрению «мира городского» (the urban world) (Robinson 2016). Поэтому нам необходимо осмыслить то, как понималось сообщество до последнего времени. Первоначально его прочным основанием были деревни и городские районы, мозаика устоявшихся, ограниченных и не подверженных влияниям «извне» социальных миров, как будто эти миры конструировались только локально и не были связаны никакими отношениями с миром за их пределами. Данное понимание сообщества долгое время преобладало в британских исследованиях сообществ, примером чего может служить работа Рональда Франкенберга «Деревня на границе» (Frankenberg 1957) — исследование одной валлийской деревни глазами ее жителей как сообщества,

которое объединяют родственные связи, знакомства и изоляция (см. также Pahl 2005: 625). Функциональное определение «сообщества» для Франкенберга могло выражаться посредством социальной связности, локальности и эмоциональной связи с сообществом (Morgan 2005: 642). Его подход предполагал, что сообщество является локально ограниченной единицей, внутренние структуры которого могут быть изучены и описаны, в особенности с помощью применения этнографических методов. Подобный подход демонстрирует сходство с валом исследований сообществ, где для анализа социальных структур отдельных местностей США «в целом» применялись антропологические методы — самым известным из них является работа Роберта и Хелен Линд «Миддлтаун». Как мы увидим в дальнейшем, здесь также имеется аналогия с исследованиями сообществ Чикагской школой.

Однако социальные трансформации повлияли не только на «самооценку» сообществ (Pahl 2005: 632) таким образом, что люди стали ощущать наступление эпохи нехватки сообщества — даже несмотря на то, что эта конструкция, как указывает Пал (ibid.: 633), могла прежде всего существовать в их умах. Стремительные социальные перемены также породили необходимость в переосмыслении сообщества как социологического понятия и в уходе от его морфологического понимания, которое можно обнаружить в упомянутых ранних исследованиях сообществ. Этот момент отметил А. Л. Эпстейн в своей работе о городе Луаншья в Замбии (Epstein 1964, цит. в: Hannerz 1980: 145). В центре альтернативных направлений, к которым переходили исследования сообществ, оказались социальные взаимосвязи и социальный капитал (Pahl 2005: 649), или же так называемые персональные сообщества¹ — последние (по меньшей мере, согласно оценке Дэвида Моргана) давали «более точное отражение нашего нынешнего способа существования, нежели исследования, основанные

¹ В одной из статей Рэя Пала персональное сообщество определяется как «собрание „важных“ личных связей, в которые погружены люди» (Pahl R., Spencer L. Family, Friends and Personal Communities; Changing Models-in-the-mind. Institute for Social and Economic Research, University of Essex, 2010). — *Примеч. пер.*

на существующих на карте территориях» (Morgan 2005: 652). Как отмечали Белл и Ньюби, «постепенно пришло осознание, что общая локация в материальной структуре сообщества могла выступать лишь исходной точкой для исследования, и мало кто из социологов мог принимать данный фактор как единственную независимую переменную» (Bell and Newby 1974: xlvii).

Недавние новшества в исследованиях сообщества заключаются в обращении к избирательной принадлежности (elective belonging) (Savage, Bagnall and Longhurst 2005; Watt 2009). Хотя это направление исследований отражает мобильности и жизненные пути в их отношении к месту, оно сводит сообщество к некоему моменту личного характера, о чем мы еще поговорим ниже.

В этой книге будет показано, что обозначенные концепции содержат важные интуиции относительно процессов конструирования места, однако этого недостаточно, поскольку они не способствуют пониманию того, каким образом сообщества воображаются в качестве *коллективных и культурных* фигураций. Я намеренно использую это довольно абстрактное понятие. С точки зрения реляционной социологии, фигурация представляет собой «родовое понятие для паттерна, который взаимозависимые люди в качестве групп или индивидов формируют друг с другом» (Elias 1987: 85; о реляционной социологии см. Tilly 1998 и Emirbayer 1997)¹. В этой книге утверждается, что для понимания

¹ Английское прилагательное relational в этой книге переводится преимущественно как «реляционный», что отсылает к устоявшимся в российской практике понятиям «реляционная социология», «реляционная перспектива», «реляционный анализ». В основе реляционной социологии, направления, к которому относятся этот и другие тексты Т. Блокланда, лежат представления о том, что социальные отношения между людьми, институтами и сообществами являются не статичными, а динамичными, изменчивыми, как и сами эти элементы анализа. Их взаимодействия постоянно переопределяют структуру отношений, а также воспроизводят культурные образцы, которые также определяют характер возникающей сети отношений. К направлению реляционного анализа относятся работы таких социологов, как Ч. Тилли, Дж. Гудвин, М. Сомерс, П. Донати, Х. Уайт, а также М. Эмирбайер, автор «Манифеста реляционной социологии» (1997). У Т. Блокланда реляционный подход демонстрирует, что понятие городского сообщества выходит за рамки традиционных пространственных характеристик, представляя в качестве комплекса отношений и практик. — *Примеч. ред.*

сообщества как культурной и коллективной сущности необходимо рассматривать его, используя формулировку Дженкинса (Jenkins 1996), в качестве набора публичных практик (см. также Roy 1994: 154). Недавно у социологов города и географов вновь появился интерес к публичным практикам, или перформансам (Benson and Jackson 2013; Dirksmeier et al. 2014). Не думаю, что рассмотрение социального сквозь теоретическую призму перформанса представляет собой нечто новое, однако уверена, что использование в нашем мыслительном инструментарии понятия «перформанс» в смысле некой публичной практики позволяет заострить теоретическое понимание сообщества в глобализированном «мире городского» (the urban world).

Таким образом, моя задача — разработать не претендующую на всеохватность теорию сообщества как городской практики. Как мы увидим, ни нормативное содержание солидарности и единения, ни тот тип связей, в рамках которого люди взаимодействуют со своим окружением, не исчерпывают современное понимание сообщества в глобальном мире городов. Я предлагаю осмыслять сообщество сквозь призму разных форм социальных отношений — от мимолетных столкновений до прочных вовлеченностей — вместо допущения, что основу сообщества формируют определенные типы отношений — например, с соседями, семьей и друзьями. Я буду приводить доводы в пользу такого понимания сообщества, которое уходит от воплощения его в качестве пространственного понятия. Напротив, городское сообщество как набор публичных действий может оказываться прикрепленным к городским районам — но это не обязательный момент. Там, где это происходит, оно может и не включать в себя всех местных жителей, что не делает формирование подобного сообщества проблематичным. Таким образом, это позволяет исследователям изучать релевантность сообщества в рамках многообразия отношений в городе (Hannerz 1980: 72) как набор эмпирических практик, из которых складывается город, включая властные отношения и различные формы неравноправия в нем. В этом случае нам больше не требуется делать идеалистических допущений,

что городские районы являются нашими современными сообществами, либо предаваться ностальгическим сетованиям, что они больше не являются таковыми. Ведь даже в том случае, когда мы больше не рассматриваем сообщества как локализованные по своей природе, сообщество по-прежнему может быть городским:

В каком бы отношении люди ни отличались друг от друга или ни сходились вместе в соответствии с иными принципами организации, те, кто попадают в город, тоже водят знакомство друг с другом и ловят взаимные мимолетные взгляды в своей локализованной повседневной жизни (Hannerz 1980: 99).

В рамках дальнейшего изложения мы прежде всего продемонстрируем, что старые понятия классической социологии и городских исследований по-прежнему оказывают влияние на наше (в том числе и мое собственное) осмысление сообщества, но их требуется подвергнуть критике по разным пунктам, таким как их сосредоточенность на индустриализации и понятии класса, осуществляемое ими противопоставление городского и сельского, а также пробуждаемый ими романтизм. Далее мы рассмотрим ту тенденцию в исследованиях сообщества, которая уводит нас от морфологических интерпретаций к персональным сообществам, построенным как сети слабых и сильных связей. Понимаю, что кто-то из вас сочтет это дурацким упражнением. Сегодня стало все более модным встревать в академические дискуссии с «оригинальными» собственными суждениями, не откладывая дело в долгий ящик, однако я не могу так поступить. Все мои утверждения напрямую основаны на моем собственном (выборочном) прочтении того, что сказано о сообществе предшествующими исследователями. Так что сначала я собираюсь провести вас через ряд их идей — понравится вам это или нет. Полагаю, что в контексте сообщества как практики или перформанса в нашу теорию следует включить то, что получило название «отсутствующих связей» — таким образом, сетевая точка зрения содержит полезные интуиции, но только ее одной недостаточно. Понимание

сообщества как персонального набора сетевых связей нелегко сочетается с символизмом культурного понимания сообщества. Кроме того, такое понимание может иметь мало общего с тем, что получит название «публичной осведомленности», порожаемой связями, природа которых не является персональной.

Однако, как будет показано в главе 3, эти прочие связи особенно важны в условиях глобализации, когда практики сообщества являются реакцией на «общество риска» (Beck 1986 / Бек 2000) или на общество, в котором социальные связи становятся нестабильными и ненадежными в условиях «текучей современности» (Bauman 2000: 169–170 / Бауман 2008: 183). Здесь онтологическая ненадежность проявляется, помимо прочего, в неуверенности относительно локального. Бауман использует образ текучего общества, поскольку «жидкости, в отличие от твердых тел, не могут легко сохранять свою форму». Жидкости постоянно меняются: «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» (ibid.: 7 / там же: 13). Хотя некоторые городские обитатели, а особенно относящиеся к среднему классу, могут определять свои социальные идентичности и связи с местом посредством перформансов выборочной или избирательной (elective or selective) принадлежности, у других возникают транснациональные идентичности, которые ставят под вопрос взаимосвязь между сообществом и одним-единственным местом. Или же они идентифицируют себя поверх сконструированных этнических границ, в том числе посредством практик исключения, по меньшей мере символических, а возможно, и социальных — в том смысле, что они позволяют накапливать благоприятные возможности (Tilly 1998). Таким образом, подобные исключения заставляют обратить внимание на власть — возможно, самый игнорируемый аспект осмысления сообщества, за исключением дискуссий политологов о власти сообщества. Подобные дискуссии не касаются власти исключать из сообщества — напротив, сообщество в них рассматривается как некое место, а предметом

исследования становится политической властью внутри него (краткое изложение см. в: Harding and Blokland 2014: 32–36).

Слово «сообщество» благозвучно, и сложно выдвигать какие-то аргументы против него как такового. Однако в главе 4 будет показано, что понятие власти является неотъемлемой необходимостью для изучения сообщества, причем в ином смысле, нежели оно появлялось до настоящего времени. Особенно в том случае, когда сообщество как практика предполагает коллективные действия с требованиями, касающимися городского пространства, иерархия мест, характеризующих город, становится иерархией сообществ и идентичностей, что ведет к дальнейшим дискриминациям и накоплению благоприятных возможностей. Как утверждается в последней главе, из этого момента проистекает вывод, что сообщество подразумевает работу по проведению границ. Не столь очевидно, каким образом проводятся подобные границы, когда под сообществом не подразумевается район города, что соответствует его определению, и не только социальные взаимосвязи. При рассмотрении «сообщества» как культурного понятия наборы публичных практик, которые формируют сообщество, и создаваемая ими «публичная осведомленность» занимают в нашем рассмотрении центральное место. В текущем глобализированном мире городов это означает, что категории, на которых основаны подобные практики, постоянно пребывают в движении. Это открывает новые перспективы для эксклюзии, но в то же время и для прогрессивного социального изменения.

Наконец, следует предупредить читателя, что все цитаты без дополнительных указаний источников в главах 4, 5 и 6 взяты из проведенных мной интервью и прочего полевого исследовательского материала.